

Автомобиль целый час петлял по лесной дороге и наконец выехал к двум одноэтажным домам, притаившимся в тени раскидистых деревьев. Местная экосистема осталась совершенно нетронутой. Машина остановилась у крыльца, и Сюй Хай велел всем выходить и строиться. Чжан Тяньлэй не встречал их с самого утра, так как был занят осмотром территории и комнаты Лэй Юнь: поскольку среди новобранцев оказалась женщина, для неё требовалось выделить отдельное помещение со всеми удобствами, включая отдельный туалет и ванную.

Заметив, что бойцы собираются медленно и вяло, Чжан Тяньлэй скомандовал:

— Три шеренги!

Спустя мгновение строй наконец выровнялся. Поскольку бойцы еще не знали друг друга и не успели занять свои места, Сюй Хай встал на правом фланге.

Раздался строгий и зычный голос Чжан Тяньлэй:

— Сюй Хай, выйти из строя!

Сюй Хай сделал три шага вперед, четко повернулся налево и замер на правом фланге, стоя к строю вполоборота.

Чжан Тяньлэй заговорил:

— Я пригласил вас вступить в спецназ, и каждый из вас согласился, никто не отказался. Это доказывает, что все вы — горячие парни, не забывшие о своем долге по защите Родины. Создание спецподразделения диктуется государственными нуждами: вам предстоит выполнять секретные задания. Именно поэтому пути назад после вступления нет. Я уже предупреждал вас об этом, но вы всё равно захотели присоединиться, и это вызывает у меня глубокое уважение...

После вступительной речи боевой дух новобранцев значительно возрос.

Чжан Тяньлэй достал список:

— Теперь перейдем к назначению командиров. Командир роты и по совместительству инструктор — Сюй Хай. Командиры отделений: первым отделением командует Мо Юнфэй, вторым — Хэ Чжюнь, третьим — Лэй Юнь. Командиры отделений, встаньте на крайний правый фланг. Остальные — выбирайте своего командира и выстраивайтесь за ним в одну шеренгу. В каждом отделении должно быть по девять человек.

Вскоре выбор был сделан: перед глазами ровными рядами стояли три отделения по девять человек в каждом. Убедившись, что всё готово, Чжан Тяньлэй произнес:

— Командиров вы выбрали сами, и впредь вы обязаны беспрекословно подчиняться им.

Увидав, что формирование завершено и командиры назначены, Чжан Тяньлэй взволнованно

объявил:

— С этой минуты спецназ официально создан!

Сначала пару человек робко зааплодировали, а затем захлопали и все остальные.

Чжан Тяньлэй продолжил:

— Я возлагаю всю тяжесть тренировок на вашего ротного Сюй Хая. А теперь предоставляю ему слово, чтобы вы могли получше познакомиться.

Впрочем, познакомиться с командиром роты они успели еще по дороге в машине.

Сюй Хай проходил обучение по уставным армейским стандартам в военном училище. Настоящих войск под его началом еще не было, но вот военных трактатов он перечитал немало, так что основы управления и закалки личного состава понимал отлично:

— Вы сами вызвались служить в спецназе, и я верю, что каждый из вас будет добросовестно осваивать все дисциплины. Но вы же знаете: если человеческую природу не подстегивать внешней силой, неизбежно просыпается лень. Тренировки спецназа невероятно тяжелы, и я сомневаюсь, что на одном лишь энтузиазме удастся выдержать такую интенсивность и объем нагрузок. Разве я не прав?

Строй вразнобой грянул:

— Так точно!

Сюй Хай кивнул:

— Именно поэтому необходимы жесткие правила. Когда вы устанете, когда вам захочется бросить тренировки, кто-то должен вас подгонять. Ведь те мгновения, когда вам больнее всего, — это моменты вашего самого быстрого роста.

Сюй Хай и сам не ожидал, что брошенная некогда Чжан Цзюньхао фраза придется здесь как нельзя кстати.

Чжан Тяньлэй довольно улыбнулся и молча кивнул. Он никак не ожидал, что у Сюй Хая обнаружится такой талант: заставить бойцов добровольно пахать до седьмого пота и при этом не вызывать у них раздражения, ловко переложив роль строгого судьи на свод правил. Инспекторские полномочия оказались задействованы без единого звука и без капли негатива — с выбором командира он точно не прогадал!

Закончив говорить, он велел бойцам занять казармы: по одной комнате на отделение. Сюй Хая и Лэй Юнь разместили отдельно в крайних комнатах. В соседнем корпусе находились кухня, баня и туалет. Как только все устроились, Чжан Тяньлэй усадил Сюй Хая в армейский «Хамви», чтобы показать будущие полигоны.

Добравшись до густого леса, Чжан Тяньлэй заглушил двигатель и сказал:

— Вот здесь у нас стрельбище.

Однако Сюй Хай не увидел привычных мишеней — перед ним тянулись извилистые траншеи, проложенные между большими деревьями. Они напоминали городские ливневые стоки, только были еще извилистей: около метра в ширину и двух глубиной.

Чжан Тяньлэй с гордостью пояснил:

— Такого стрельбища больше нет нигде в мире. Всего здесь проложено шесть таких глубоких траншей, каждая длиной около трех километров, и все они связаны между собой системой развилки. Под полигон отведено несколько квадратных километров.

Сюй Хай остолбенел. В его голове уже зарождалось смутное понимание назначения этих траншей, но поверить в это с ходу он не решался — какой же гигантский объем земляных работ здесь ворочали! Пытаясь побороть изумление, он спросил:

— А куда девали всю землю, которую выкопали из этих траншей?

— Вывезли в горную долину позади полигона, — ответил Чжан Тяньлэй. — Копали встречным фронтом: от того конца сюда. Грузовики шли прямо по уже проложенным нами траншеям, так что окружающий ландшафт практически не пострадал. Дно траншей выровнено по нивелиру, и во время сильных ливней вся вода самотеком уходит по уклону в общую трубу, ведущую в долину. Так что даже в самый сильный дождь вода в траншеях не застаивается.

Сюй Хай был искренне восхищен дальновидностью командира дивизии, но все же озвучил терзавший его вопрос:

— И это действительно стрельбище?

Чжан Тяньлэй повернулся к нему:

— Сюй Хай, как по-твоему, какая стрельба на войне самая сложная?

Сюй Хай задумался:

— Стрельба бывает разной: неподвижная по неподвижной цели, неподвижная по движущейся, движущаяся по неподвижной и движущаяся по движущейся. Самая сложная — это когда ты сам бежишь, балансируя на ходу и толком не имея возможности прицелиться, а цель тоже движется. Это не только трудно технически, но и максимально приближено к реальному бою.

— Верно, — согласился Чжан Тяньлэй. — Враг не станет ждать, пока ты в него прицелишься. Прячутся за укрытиями только трусы, а остальные всегда в движении. Когда ты наступаешь, а он отступает, или когда вы сближаетесь — именно в этот момент открывается лучшее окно для уничтожения противника. Именно поэтому мы и построили этот полигон. Один человек сидит

в траншее и на шесте двигает манекен, заставляя его то выныривать, то скрываться. А обучаемый боец преследует цель с расстояния в двести метров. Траншея петляет, изобилует препятствиями, перепадами высот и ямами, часть из которых мы построили искусственно. И всё это тянется на целых три километра!

— Потрясающе реалистично, — восхищенно покачал головой Сюй Хай. — Требования к точности стрельбы, выносливости и интуиции колоссальные. Такое стрельбище в сотни раз полезнее стрельбы по статичным мишеням!

— То-то и оно, — кивнул Чжан Тяньлэй. — Правда, товарищу командиру дивизии Чжану пришлось знатно раскошелиться. На прокладку этих траншей ушло два месяца круглосуточной работы двух экскаваторов и десяти самосвалов. Аренда техники обошлась больше чем в миллион, расходы на топливо и логистику — еще в миллион. В общей сложности всё строительство влетело в три с лишним миллиона. И всё за счет прошлогодней продажи патронов, иначе такого эффекта мы бы не добились.

— Всего-то три с лишним миллиона? Да оно того столабсолютно стоит!

— Точно, стоит. На самом деле сам лагерь обошелся недорого: если не считать привезенного мной оборудования, ушло чуть больше семи миллионов. Первое — это траншеи, второе — учебный макет городской застройки, и третье — полоса препятствий с тысячеметровой дистанцией.

— Разве вышестоящее командование не выделяло средств?

— Этот спецназ наша дивизия создала по собственной инициативе, наверху ничего не знают. И лучше им пока не знать, чтобы не ставить начальство в неловкое положение. Пойдем, покажу остальные площадки.

Осмотрев остальные тренировочные зоны, Сюй Хай проникся глубоким уважением к Чжан Тяньлэю, сумевшему воссоздать столь приближенную к реальному бою обстановку. Оставалось лишь гадать, где он набрался подобных идей. На прощание командир дивизии вручил Сюй Хаю распечатанную брошюру:

— Здесь изложена вся программа подготовки. Занимайся по ней. Времени у нас в обрез — пожалуй, не наберется и двух месяцев, прежде чем придется отправляться на выполнение очень серьезного задания.

Чжан Тяньлэй так и не уточнил, что за задание их ждет, а Сюй Хай не стал допытываться.

Вернувшись в лагерь как раз к обеду, Сюй Хай созвал всех и объявил:

— В половине третьего дня начинаем легкую физическую подготовку, всем быть в сборе. Вашу одежду будут стирать специально выделенные люди: грязные вещи оставляйте под кроватями, их заберут, выстирают, высушат и вернут прямо на тумбочки. Но нижнее белье стирайте сами.

В строю прокатился глухой ропот. Новобранцы были ошеломлены — о таком сервисе они даже не мечтали и воспринимали происходящее с трудом. Разве это армейская служба? Настоящий курорт для избалованных барчуков!

— После обеда командиры отделений подойдут ко мне на короткое совещание. Садимся за столы по отделениям, каждый ест из собственной миски, а после еды моет посуду и возвращает на прежнее место.

Раздав эти нехитрые указания, Сюй Хай построил личный состав и разрешил пройти в столовую.

В лагере работало десять человек обслуживающего персонала, набранных из числа военнослужащих: они готовили еду и стирали белье. Ги Сюйпин была назначена фельдшером и временно отвечала за медицинскую часть, хотя в дальнейшем каждый боец должен был научиться оказывать первую помощь при ранениях.

Не успело пробить два тридцать, как командиры уже вывели свои отделения на относительно ровную площадку под сенью деревьев. Лэй Юнь заплела волосы в конский хвост, отчего стала выглядеть еще привлекательнее, и позволила своим бойцам отдохнуть на месте.

Проведя с подчиненными полдня, Лэй Юнь заслужила такое уважение, что никто не смел отпускать в ее адрес сальных шуточек — все старались вести себя сдержанно. Во-первых, она была единственной женщиной в спецназе, к тому же писаной красавицей, и портить с ней отношения никому не хотелось: себе дороже. Однако без эксцессов обойтись не могло.

Двое солдат о чем-то шептались за раскидистым деревом:

— Видел командиров первого и второго отделений? С такой фигурой они любого уложат на лопатки.

— И то верно, — поддакивал второй. — Настоящие бойцы, каждый за двоих сойдет. А наша командирша? Нам ее еще и опекать придется. Эх... ничего не попишешь!

Лэй Юнь как раз прислонилась спиной к противоположной стороне этого же дерева и, услышав подобное, чуть не захлебнулась от гнева. Выйдя из укрытия, она бросила:

— Вот как? Предлагаю обоим выступить против меня вдвоем. Если сможете повалить меня на землю, я побегу кросс вместе с вашими рюкзаками!

Услышав голоса, окружающие бойцы тут же сбебопытствовали ближе.

Бу Шандэ и Ху Юн замерли. Они никак не ожидали такой немилостивой удачи — надо же было лягнуть лишнее как раз тогда, когда их услышала сама дама! Ху Юн уже собирался сгладить углы и принести извинения, но Бу Шандэ, страдавший приступом гипертрофированного

маскулизма, стерпеть подобного вызова от женщины не мог. Да еще и драться вдвоем против одной — это же прямое оскорбление мужского достоинства!

— Не собираюсь я с тобой драться, — нахмурился он. — Еще чего доброго обвинят в отсутствии мужского воспитания.

Окружающие дружно заржали. Ху Юн, видя, как Ву Шандэ упрямо портит отношения с командиром, потянул его за рукав:

— Хватит тебе. Она все-таки наш командир отделения.

Лэй Юнь холодно улыбнулась:

— Боишься прослыть невоспитанным — это я еще могу понять. Но ты только что поливал меня грязью за глаза, и от этого мне чертовски неприятно. Придется восстанавливать справедливость.

Никто не ожидал, что Лэй Юнь не станет устраивать истерик, как это свойственно многим женщинам, а поведет себя разумно — куда рассудительнее некоторых мужчин.

Ву Шандэ уперся:

— Я всё равно не буду поднимать руку на женщину. Тем более на такую красавицу — не хочу, чтобы вся рота меня потом прокляла. Да и совести не хватит.

— Ладно, давай так, — предложила Лэй Юнь. — Сравним наши результаты на сегодняшней тренировке по физподготовке. Если ты проиграешь, будешь до конца сборов носить мне поднос в столовой и мыть за мной посуду.

Ву Шандэ презрительно хмыкнул:

— А если выиграю я?

Лэй Юнь усмехнулась:

— Я же знаю все ваши мужские штучки. Выиграешь — разрешу тебе коснуться моей щеки.

Она была более чем уверена в своей внешности: в институте стоило ей заговорить с каким-нибудь парнем, как тот ходил окрыленный целыми днями.

Ву Шандэ заколебался. Ставка казалась неравноценной: кашеварить и мыть миски до конца сборов в обмен на право одну секунду потрогать девичью щеку? Пока он размышлял, кто-то из зевак не выдержал:

— Ты ставишь или нет? Если отказываешься, я готов сыграть!

Бу Шандэ решительно махнул рукой:

— Ставлю! Мужик я или нет, стерплю ради такого дела!

Толпа взорвалась хохотом. Кто-то улюскнул из задних рядов:

— Подумаешь, потерпит он! Наша командирша такая красотка, что ради одной возможности коснуться ее щеки я бы и вовсе от еды отказался!

Другой тут же подхватил:

— На что ты собрался менять еду? На журавля в небе? Не каждый осел достоин лебединого мяса!

Часть бойцов покатывалась со смеху, другие тихо ухмылялись.

Третий выкрикнул:

— Жаба, которая не мечтает съесть лебедя — плохая жаба!

Тут хохот грянул с новой силой.

Лэй Юнь побагровела от стыда и злости. Изначально никто и помыслить не смел о подобных вольностях, а теперь Бу Шандэ развел балаган, и остановить это безобразие было некогда — авторитет трещал по швам. Она лихорадочно соображала, как переломить ситуацию.

В этот момент чья-то сильная рука молниеносно вцепилась за воротник шутнику:

— Значит, это тебе захотелось лебединого мяса? Сегодня вечером останешься без ужина — потому что никакого лебедя в меню не предвидится.

Сюй Хай сурово посмотрел на проштрафившегося и спросил:

— Как звать?

Тот испуганно пропищал:

— Сюй Цян.

Отпустив Сюй Цяна, Сюй Хай велел построить рассыпавшийся строй и заговорил громовым голосом:

— Всем вам прекрасно известно, что выполнять боевые задачи нам придется за рубежом. В условиях чужой территории обычная радиосвязь легко перехватывается и глушится врагом. Создать надежную систему связи и управления на базе локальной сети тактической передачи

данных силами одной лишь нашей пограничной дивизии было невозможно. Командир дивизии Чжан пошел на поклон и через три личных обращения добился того, чтобы Лэй Юнь перевелась к нам из Гуанчжоуского военного округа, причем даже не входя официально в штат спецназа. Дивизионный объяснил ей всю сложность нашей ситуации, и ради нас она оставила прежнее место службы, согласившись тренироваться бок о бок с толпой неотесанных мужиков. Она уже пожертвовала многим. У нее есть и гордость, и стыд. Как у вас язык повернулся отпускать подобные пошлости? Вы хоть понимаете, как ей обидно?

В строю воцарилась абсолютная тишина.

Выдержав паузу, Сюй Хай продолжил:

— На войне критически важна взаимовыручка. Бывают моменты, когда боец готов слепо доверить свою жизнь товарищу ради достижения общей цели. Что это за связь? Что это за уровень доверия? Подразделение, в котором между бойцами нет товарищеского тепла, никогда не добьется успеха на поле боя. Если вы будете вести себя так, мы разрушим саму основу нашего братства. Зачем тогда вообще тренироваться?!

Он обвел строй жестким взглядом:

— Я хочу, чтобы вы стали одной большой семьей, где царят взаимопонимание и уважение. Тот, кто сегодня позволил себе распускать язык в адрес командира третьего отделения и разрушать наше единство, останется без ужина. Кто виноват — признавайтесь сами.

Сюй Цян, держись.

В строю больше не раздавалось ни звука. Те, кто минуту назад гоготал над шутками, теперь испытывали жгучее чувство вины; многие потупили взоры. Лэй Юнь же смотрела на Сюй Хая с глубокой благодарностью — он не только спас ее от унижительного положения, но и заложил прочный фундамент для нормальных отношений в коллективе с самого первого дня.

— Поскольку все вы отобраны из лучших частей, ваша физическая форма заведомо выше среднего, — сменил гнев на милость Сюй Хай. — А значит, и планка у нас высокая. Первое упражнение — сто отжиманий. Разойдись, принять упор лежа!

Бойцы быстро дистанцировались друг от друга и опустили ладонями на раскисшую землю. Сюй Хай шагал вдоль рядов, внимательно наблюдая за тем, как сотни тел синхронно поднимаются и опускаются, мысленно отмечая самых выносливых. К шестидесятому-семидесятому повторению некоторые начали сдавать: техника ломалась, спины прогибались. Сюй Хай тут же подходил и без церемоний поддавал ногой под отвисший зад, требуя держать корпус прямо.

Его взгляд на миг задержался на Лэй Юнь. Техника у нее была идеальной, темп — высоким. Сюй Хай облегченно выдохнул: похоже, те фокусы, что она показывала в поезде, не были случайностью.

Спустя примерно две минуты большинство закончили. Лица у всех покраснелись, напоминая задницы бабуинов, но последний участник процесса заставил Сюй Хая одновременно рассердиться и рассмеяться.

Здоровый амбал из отделения Лэй Юнь прижался животом к земле и наотрез отказывался подниматься, продолжая судорожно двигать одними руками. Сюй Хай подошел и пнул его под зад:

— Ты тут не усердствуй в постельных утехах, поднимай таз как положено!

Лэй Юнь, услышав это, мысленно готова была разорвать Сюй Хая на куски. Ишь ты, притворялся благородным рыцарем, а на деле все мужики одним мазаны!

Амбал заверещал:

— Ой, товарищ ротный, полегче! Земля-то каменная... Я больше физически не могу!

— Сколько сделал? — холодно поинтересовался Сюй Хай.

— Семьдесят пять... Честное слово, больше сил нет.

Здоровяк обливался седьмым потом, мокрая форма облепила тело, а руки дрожали от напряжения.

— Ладно, раз не можешь — вставай, — сжалился Сюй Хай. — Как звать?

Тот радостно вскочил на ноги, решив, что ротный на редкость добрый человек:

— Тан Чуан!

— Запомнил, Тан Чуан. Ты не доделал двадцать пять повторений. Норма — семьдесят пять отжиманий за подход. Сегодня вечером явишься ко мне в комнату и сделаешь еще пять подходов по семьдесят пять раз. Пока не закончишь — спать не ляжешь.

Лицо Тан Чуана вытянулось:

— Да вы издеваетесь! У меня же завтра руки ложку удержать не смогут!

Только что он радовался чудесному спасению, а теперь рухнул из райских куш прямо в преисподнюю. Ощущение было ниже среднего.

— Хочешь, я прикажу кому-нибудь кормить тебя с ложечки? — хмыкнул Сюй Хай. — Строиться!

Поскольку строиться им сегодня приходилось уже не впервые, бойцы отлично знали свои места и замерли по стойке смирно считанные секунды спустя.

Сюй Хай шагнул вперед:

— Бегом на соседнюю площадку! У двойной перекладины — становись. Налево, шагом марш!

Через три минуты отряд прибыл на место.

— Следующее упражнение — скручивания на пресс для укрепления поясницы. Исходное положение: вис на перекладине вверх тормашками, носки зацеплены за перекладину с обратной стороны, руки за голову. Сто пятьдесят повторений. Выполнять по отделениям, начали!

Бойцы мигом запрыгнули на перекладины и повисли вниз головами. Не прошло и минуты, как многие начали стягивать гимнастерки: в перевернутом положении ткань неизбежно съезжала к лицу, забивала нос и мешала дыханию, обнажая белые животы. В конце концов они просто разделись по пояс.

Тонкая талия Лэй Юнь не позволяла форме держаться на месте — стоило ей забросить ноги и повиснуть, как рубашка тут же сползла к подбородку. Она смущенно спрыгнула на землю, торопливо заправила одежду и застыла в стороне, не смея поднять глаз.

Сюй Хай, который с самого начала ожидал подобных проблем с женской формой, сразу заметил ее растерянность. Быстро подойдя, он расстегнул собственный ремень и протянул ей:

— Возьми, затяни талию.

Лэй Юнь приняла ремень и резко затянула его поверх рубашки. В тот же самый момент один из солдат второго отделения, стоявший ближе всех к Лэй Юнь, с глухим стуком — бряк! — сорвался с перекладины и рухнул на землю вниз головой и вверх ногами, после чего жалобно застонал, потирая ушибленное место.

Сюй Хай и Лэй Юнь одновременно уставились на незадачливого акробата. Сюй Хай поинтересовался:

— Не ушибся?

Солдат бормотал:

— Н-нет... Просто ноги соскользнули.

— У тебя не ноги соскользнули, а душа из тела улетела, — хмыкнул Сюй Хай. — Смотри внимательнее под ноги.

Боец опустил голову, покраснел до корней волос и проямлил:

— Есть, — после чего умолк.

Лэй Юнь свирепо зыркнула на бедолагу:

— Ступим поделом! — а затем перевела на Сюй Хая взгляд, способный испепелить на месте. Что это еще за намеки насчет «душа улетела» и «смотри внимательнее»? Будто она какая-то лисица-оборотень, очаровывающая честных солдат! Он сам сорвался, при чем здесь она вообще?

Сюй Хай поймал ее взгляд и запоздало сообразил, что сморозил глупость. Он-то имел в виду всего лишь банальное «будь аккуратнее на перекладине», а не то, что солдат засмотрелся на кого-то конкретного. Слово не воробей, а объясняться в такой ситуации — только хуже делать. Сюй Хай предпочел молча ретироваться, хотя в глубине души продолжал поражаться: неужели пара туго затянутых ремнем сантиметров способна сбрасывать людей с турника? Неужто их командир третьего отделения — и впрямь реинкарнация демоницы Су Дацзи?

Разгуливая вдоль рядов, Сюй Хай контролировал ход тренировки. Некоторые уже закончили, спрыгивали с перекладин с покрасневшими лицами; Лэй Юнь тоже справилась с задачей и наблюдала со стороны. Однако восемь человек так и не смогли одолеть норму: они извивались на турниках, как потревоженные гусеницы, не в силах ни согнуться как следует, ни подтянуться. Зрелище напоминало стайку опарышей на выгребной яме.

Сюй Хай подошел к каждому и скрупулезно записал фамилии — Ву Шандэ оказался в их числе.

Затем он скомандовал:

— Слезть с перекладин! Висеть там без толку. Ваша физическая форма ниже нормы, поэтому с завтрашнего дня эта восьмерка будет выполнять тройную норму скручиваний ежедневно до тех пор, пока показатели не придут в норму.

<http://bllate.org/book/21120/2142966>